

Лик государя

Цюй Юньме ушел недалеко. Он направился напрямик в резиденцию и, не дрогнув в лице, переступил порог Восточного дворца — того самого места, которое Сяо Жун считал запретными покоями.

«Наверняка там живут его наложницы», — думал юноша.

На деле же в Восточном дворце не крылось никакой мистической тайны. Его ворота почти всегда оставались закрытыми лишь потому, что здешние обитатели редко показывались на людях, а если и выходили, то пользовались задними дверями, стараясь избегать встреч с чужаками.

Цюй Юньме уверенно шел по переходам, хорошо зная каждую тропку. По пути ему встретились двое или трое подростков лет десяти-двенадцати. Завидев государя, они не падали ниц в священном трепете, как это делали люди снаружи, но всё же с глубоким почтением склоняли головы. Чжэньбэй-ван лишь мельком взглянул на них и продолжил путь.

Остановившись перед дверями самого большого зала, он на мгновение замер, будто в нерешительности. Помедлив, он всё же вошел внутри.

В Западном дворце подобное помещение служило залом совещаний, где советники и генералы проводили дни напролет. Здесь же, в Восточном, это тоже было рабочее место, но если в Западном крыле вечно шли бесконечные собрания, то здесь не прекращалась работа с травами.

На площади почти в три сотни квадратных метров трудилось множество людей. Кто-то перебирал коренья, кто-то сортировал стебли, кто-то растирал сухие листья в порошок. Другие дробили камни, препарировали насекомых или протирали клинки — словом, каждый был занят делом.

Цюй Юньме привычно миновал этот муравейник, направляясь в самую глубь зала. Работающие люди с любопытством поднимали головы, провожая его взглядом, но рук не опускали.

Миновав завалы из мешков и утвари, в углу зала он увидел женщину. На первый взгляд ей можно было дать лет пятьдесят, хотя на самом деле ей исполнилось всего сорок три.

Смуглая кожа, выразительные, породистые черты лица — если бы она нарядилась и причесалась, то ни в чем не уступила бы столичным знатным дамам. Но на ней не было украшений, а лицо застыло в суровом бесстрастии. В её облике сквозила твердость, граничащая с суровостью; она не была из тех, кто располагает к себе.

Государь подошел, подобрал полы одежд и сел напротив неё.

— Лоу, — негромко позвал он.

Женщина сосредоточенно изучала корень в руках и лишь услышав голос, медленно подняла голову.

— Лоу, мне нужен корень Женьшеня Соляной Девы, — продолжил Цюй Юньме.

Лишь тогда она взглянула на него по-настоящему внимательно и спросила на официальном языке, в котором слышался легкий акцент:

— Кто-то ранен?

Цюй Юньме помедлил:

— Нет.

— Кто-то умирает? — снова спросила женщина.

— Тоже нет.

— Тогда зачем тебе Женьшень Соляной Девы? — Она покачала головой. — Если не ответишь, я ничего не дам.

В конце она произнесла длинную череду звуков — его истинное имя на языке племени Бутэу. Имя «Цюй Юньме» было лишь транскрипцией этих звуков на язык династии Юн.

Зная неуступчивый нрав собеседницы, Великий ван был вынужден объяснить:

— В резиденцию прибыл новый советник. Он очень слаб телом, кашляет кровью, его лихорадит. Он крайне полезен мне, и я хочу, чтобы он прожил подольше.

Агусэцзя вскинула бровь.

Женьшень Соляной Девы не был обычным лекарством. Когда племя Бутэу решило покинуть родные горы и спуститься в долины, их прошлая королева приказала собрать все запасы до единого. Места, где они жили, были столь сокровенны, что даже соплеменники, однажды уйдя, не всегда могли найти путь назад. Поэтому каждый корень был на счету.

Этот женьшень рос лишь в высокогорных провалах подле озера Соляной Девы. Его было ничтожно мало, но сила его была поистине велика — он мог вернуть человека с порога могилы. Сяньби, когурёсцы и кидани жаждали завладеть им, считая бесценным сокровищем. И Цюй Юньме за все эти годы ни разу не просил его.

Великий ван никогда не стыдился своей крови и был близок с народом Бутэу, но он четко знал границы своего влияния. Снаружи он был властелином Севера, которому подчинялись легионы, но здесь, в этом зале, последним словом владела она — их королева. И Цюй Юньме не мог ей приказывать.

Её звали Агусэцзя. Она была младшей сестрой его матери.

Когда Агусэцзя родилась, их мать умерла в муках. Старшей сестре тогда было всего девять лет, и она была вынуждена возглавить племя в самое тяжелое время. Она заботилась о народе и растила малютку Агусэцзя, став для той и сестрой, и матерью.

Для Цюй Юньме она тоже была самым близким человеком. Его родители ушли один за другим, когда ему едва исполнился год. Он не помнил лица матери; в его памяти образ самого близкого и родного существа всегда принадлежал Агусэцзя.

Но по мере того как он вырос, эта связь начала истончаться. Женщина никогда не вмешивалась в дела Армии Чжэньбэй, а Цюй Юньме не лез в дела племени Бутэу. То, что начиналось как мудрое взаимное уважение, со временем превратилось в стену, мешавшую им быть по-настоящему близкими.

Остыли ли их чувства? Нет, они всё еще дорожили друг другом, но... им стало почти не о чем говорить.

Агусэцзя хотела спросить, что это за советник и почему Чжэньбэй-ван так печется о нем, но такие проявления заботы были ей непривычны уже добрых десять лет. Помолчав, она спросила о другом:

— Ли Сюхэн. Почему он еще жив?

Услышав это имя, женщина, растиравшая травы в десяти шагах от них, на мгновение замерла и взглянула в их сторону.

Цюй Юньме не заметил этого взгляда.

— Он еще полезен, — коротко ответил он.

— Для чего?

— Не знаю. Сяо Жун не сказал.

Агусэцзя нахмурилась:

— Кто такой этот Сяо Жун?

— Тот самый новый советник, о котором я говорил.

Агусэцзя одарила племянника странным, изучающим взглядом, а затем, опершись о пол, тяжело поднялась. Перед тем как уйти, она обернулась:

— Когда этот Ли Сюхэн станет не нужен, ты ведь лично его убьешь?

— Разумеется, — бесстрастно отозвался Цюй Юньме.

Агусэцзя кивнула:

— Не забудь позвать Даньжань. И А Янь... — При упоминании этого имени она невольно оглянулась на работающих людей. В зале царил покой, каждый был поглощен своим делом.

Посмотрев на ту, что без устали крутила жернова, Агусэцзя вздохнула:

— Впрочем, забудь. Жди здесь.

***

Вскоре Агусэцзя вернулась, неся небольшой ларец. Внутри на мягкой ткани покоились три корня Женьшеня Соляной Девы. Когда-то их было семнадцать, но до сегодняшнего дня уцелели лишь эти.

С тех пор как мощь Армии Чжэньбэй возросла, ей реже приходилось открывать этот сундук. Раньше, когда погибал один воин, всё племя оплакивало его ночь напролет. Теперь же, когда в битвах падали тысячи, никто не приходил просить у неё чудодейственный корень.

Она осознала, что не открывала этот ларец почти два года.

Помедлив, женщина достала из-за пояса кривой нож и легким, едва уловимым движением срезала с одного корня тончайший, почти прозрачный лепесток. Он был столь тонок, что сквозь него можно было разглядеть очертания предметов.

Что ж, корень отделался «легким испугом».

Цюй Юньме, принявший этот шедевр ножевого искусства, замер в немом изумлении. Он перевел взгляд на Агусэцзя, а та встретила его взор с непоколебимой прямоотой.

— Он не ранен и не при смерти. Этого кусочка ему хватит с лихвой. Если сочтешь, что мало — приведи его ко мне. Я сама посмотрю, достоин ли он большего.

Великому вану оставалось лишь промолчать. Против законов Бутэу не пойдешь: у них царил матриархат, и мужчинам в таких вопросах голоса не давали.

Он бережно спрятал драгоценный лепесток. Вести Сяо Жуна к Лоу... нет, об этом не могло быть и речи.

Агусэцзя снова села на свое место, но Чжэньбэй-ван не ушел сразу. Поколебавшись, он присел рядом и спросил совсем некстати:

— Лоу, тебе здесь нравится?

Собеседница посмотрела на него и ответила:

— Там, где нет озера Соляной Девы, всё едино.

***

Спустя три дня Сяо Жун, который уже едва сдерживался, чтобы не пойти и не спросить, как продвигаются дела, получил добрую весть. А вместе с ней — чашу с густым, черным отваром.

Цвет снадобья внушал серьезные опасения. Услышав, что это «укрепляющее средство» от самого Великого вана, Сяо Жун на мгновение заподозрил, что терпение Цюй Юньме лопнуло и тот решил отправить настырного советника к праотцам.

Он долго разглядывал варево, пытаясь учуять подвох, но, здраво рассудив, что в голове государя вряд ли найдется место для столь изощренных интриг, зажал нос и осушил чашу до дна. В конце концов, за последние семь месяцев он выпил столько лекарств, что лишняя плошка погоды не сделает.

Едва он допил, в покои сияющий от радости влетел Гао Сюньчжи. Канцлер сообщил: Великий ван внял советам и решил созвать ученых мужей, чтобы обсудить перенос столицы.

Сяо Жун вскочил, на его лице отразилось искреннее ликование.

— Государь уже объявил об этом остальным? — спросил он.

— А... кажется, еще нет? — опешил старик.

Услышав это, Сяо Жун сорвался с места и умчался прочь, подобно порыву ветра.

Гао Сюньчжи остался стоять в пустой комнате. Посмотрев на пустую чашу на столе, он удовлетворенно хмыкнул.

«Женьшень Соляной Девы — поистине чудодейственная вещь».

***

Юноша бежал по резиденции, пугая встречных слуг своим неистовым видом. Нагнав Цюй Юньме, он буквально преградил ему путь, заклиная не разглашать весть о переносе столицы раньше времени. Пока озадаченный государь слушал его, Сяо Жун, едва переводя дух, во всех деталях изложил свой план.

Чжэньбэй-ван слушал, хмурясь всё сильнее. Он долго колебался, но в конце концов тяжело кивнул.

Вскоре до гарнизонов, изнывавших от безделья, донесся новый приказ: Великий ван велел всем собраться у подножия гор Яньмэнь в полдень. Он намеревался лично обезглавить Ли Сюэхэна, дабы почтить души павших воинов Армии Чжэньбэй.

Большинство солдат и понятия не имели, кто такой этот Ли Сюэхэн — позор дезертирства был столь велик, что Цюй Юньме и его приближенные старались не поминать это имя всуе. Но раз уж затевалась публичная казнь с таким размахом, любопытство взяло верх над всеми. Стражники, разносившие приказ, не поскупились на краски, расписывая деяния бывшего генерала и предателя Чжуан Вэйчжи.

И пусть лично им этот человек вреда не причинил, праведный гнев вспыхнул в сердцах воинов мгновенно. Отряды строились с таким рвением, какого не видели и перед большими походами. Впрочем, в глубине души каждый просто хотел зрелищ.

Собрать сотни тысяч за час было невозможно, но на зов явились командиры всех мастей и десятки тысяч всадников из ближайших лагерей. Этого было более чем достаточно.

Незадолго до полудня прибыл Чжэньбэй-ван. Стража вытолкнула вперед Ли Сюэхэна — с кляпом во рту и избитого до полусмерти. Его жалкий вид был явлен каждому воину в строю.

Сяо Жун, кутаясь в плащ, стоял среди советников. Юй Шаосе, примостившийся рядом, то и

дело справлялся о его самочувствии:

— А Жун, тебе нельзя на ветру стоять, шел бы ты в тепло...

Сяо Жун лишь отмахивался.

«Тоже мне, нашли роженицу, которой на улицу нельзя выходить...»

Отвязавшись от заботливого друга, он окинул взглядом бескрайнее море шлемов и знамен. В первых рядах он четко видел четверых военачальников в сверкающих доспехах.

Впервые он видел их всех вместе.

Слева направо: Юань Байфу, Цзянь Цяо, Гунсунь Юань и Ван Синьюн. Этот порядок в точности отражал их близость к Великому вану.

Когда солнце достигло зенита, Цюй Юньме вышел вперед. Здесь не было глашатаев, но горное эхо и потоки воздуха разносили его голос на многие ли вокруг.

— Перед вами — Ли Сюэхэн, бывший великий генерал Армии Чжэньбэй!

Людской поток колыхнулся, но ропота не последовало. Чжэньбэй-ван выдержал паузу и продолжил:

— Он вел нас за собой, он был моим уважаемым дядей, которого я почитал. И он же предал нас, продал Армию Чжэньбэй двору, пролив кровь воинов ради собственного ничтожного величия. Пока он пировал и тешился песнями, наши братья гнили в снегах, не имея даже циновки, чтобы прикрыть наготу трупа!

Гнев в толпе закипал. Солдаты, как никто другой, чувствовали эту несправедливость.

В этот миг Цюй Юньме обнажил меч и направил острие на пленника:

— Он проедал наши припасы! Он ни в грош не ставил жизни воинов! Он крал жалованье и заслуги, бросив вдов и сирот на произвол судьбы! Он не достоин зваться человеком! Сегодня я клянусь его головой: впредь ни одна подобная мразь не посмеет возвыситься над нами!

С этими словами он вскинул клинок и вложил в удар всю свою ярость. Под леденящим взглядом Ли Сюэхэна меч опустился, фонтан крови брызнул на камни, а лезвие с такой силой вошло в землю, что застряло на два вершка.

Голова Ли Сюэна покатила по склону. Лицо Великого вана, забрызганное кровью, в этот миг казалось ликом самого свирепого божества войны.

Толпа замерла в оцепенении. Сяо Жун нахмурился и взглянул на Цзянь Цяо, который тоже явно не ожидал такой экспрессии.

Почувствовав на себе взгляд юноши, генерал востепенел. Вспомнив о своей задаче, он набрал в легкие побольше воздуха и взревел так, что на висках вздулись жилы:

— Смерть предателю! Великий ван поступил верно! Мы, воины Армии Чжэньбэй, желаем лишь одного — хранить страну и усмирять Север! Наш государь милосерден к своим, и мы последуем за ним до самой смерти!

Гунсунь Юань, стоявший рядом, едва не повалился от этого крика. Он в ужасе прикрыл уши, не понимая, какая муха укусила его обычно сдержанного товарища.

Но дальше случилось нечто еще более невероятное. Позади них тысячи глоток подхватили клич. Сначала нестройно, вразнобой, но постепенно голоса слились в единый громовой раскат.

— Желание моё — хранить страну и усмирять Север!

— Великий ван милосерден, мы последуем за ним до самой смерти!

В конце концов остались лишь четыре слова, повторяемые снова и снова: «До самой смерти!» Гул десятков тысяч голосов был подобен небесному грому. Глядя на это, нельзя было не ощутить священного трепета.

В этой буре ликования Сяо Жун почувствовал, как по телу разливается странное тепло. Он расправил плечи и перевел взгляд с ликующей толпы на Цюй Юньме. Тот стоял неподвижно, не сводя глаз с войска.

Когда Сяо Жун уговаривал его произнести речь, государь отпирался всеми силами. Юноша догадывался, что Великий ван никогда не делал ничего подобного; он привык бросать лишь краткие команды. Цюй Юньме и не подозревал, насколько величественной и вдохновляющей может быть сцена, когда тысячи сердец бьются в унисон.

Не было битвы, не было врага, он не обещал им золотых гор — лишь несколько слов, и люди были счастливы.

Это было новое, неизведанное чувство для Чжэньбэй-вана. Дождавшись, когда шум начнет стихать, он поднял руку, призывая к тишине.

— Вскоре я перенесу столицу! — возвестил он. — Воины, мы вместе построим город, который будет принадлежать только Армии Чжэньбэй! Наша столица не уступит в блеске Цзиньлину!

Цзянь Цяо был начеку. Не теряя ни секунды, он снова вскинул кулак:

— Не уступит Цзиньлину!

Когда эхо солдатских криков стихло, генерал добавил:

— Великий ван мудр!

И толпа, как один человек, взревела:

— Великий ван мудр!

Гунсунь Юань окончательно впал в ступор.

«Ну и ну, дружище... Да ты, я смотрю, заделался знатным льстецом».

Юй Шаосе наблюдал за этим с открытым ртом. Хоть его род и не был из высшей знати, его отец служил в армии, так что он считал себя человеком военным. Он видел, как поднимают боевой дух, но никогда это не выглядело так... странно.

Обычно солдат воодушевляют перед боем, когда ненависть к врагу и страх смерти гонят их вперед, не оставляя пути назад. Здесь же все были охвачены восторгом, но Юй Шаосе понимал: этот порыв мимолетен. Никто не пойдет на смерть ради одного зрелища казни.

Но с другой стороны... если повторить это снова? А потом еще раз? Это было похоже на даосские практики: на первый взгляд — пустая трата времени, но на деле — шаг за шагом в сознание вбивается неколебимая вера.

Юй Шаосе нахмурился.

«Государь до такого бы не додумался. Канцлер Гао тоже не столь коварен. Остается только один...»

Он медленно повернул голову к Сяо Жуну. Тот ответил ему невинным, непонимающим взглядом.

Юй Шаосе криво усмехнулся.

«А Жун... ты вовсе не так прост, как кажешься. Но... это мне нравится».

— Я решил, — произнес он с улыбкой. — Как только вернусь, напишу письмо брату. Пусть едет и служит Великому вану.

Сяо Жун поперхнулся:

— Что? Юй Шаочэну? Тому самому Чэн-эру, которому нужно побольше лекарств?

— Именно, — кивнул Юй Шаосе, глядя на Цюй Юньме. — Государь наконец-то понял главное. Перенос столицы — это начало битвы за всю Поднебесную. Нам с братом негоже служить разным господам.

Это было правдой.

Переезд означал вступление в большую игру за власть. Раньше Цюй Юньме действовал лишь в ответ на угрозы: мстил за родину, гнал кочевников, огрызался на Южную Юн, провозгласив себя ваном. Но он никогда не правил этой землей по-настоящему. Он носил венец, но в душе оставался лишь великим генералом.

Враги боялись его, но втайне презирали. Даже в изначальном ходе истории Великий ван не проявлял амбиций правителя — он просто мстил, пока эта месть не поглотила его самого.

Округа Дай, Яньмэнь и Чжуншань — вот земли, которые император Южной Юн формально закрепил за ним. То, что он оставался в Яньмэне, двор расценивал как покорность. Уход отсюда был открытым вызовом всей империи: он больше не признавал над собой власти Южной Юн.

Сяо Жун посмотрел на Цюй Юньме. Кровь на его лице еще не просохла, у ног лежал обезглавленный труп, а меч в руке повидал немало смертей. Но в этот миг, в этом свирепом облике, советник видел больше величия, чем в любых пышных церемониальных одеждах.

«Вот он... истинный Великий ван Севера».

Толпа всё еще неистовствовала. Цюй Юньме, видя их искренний порыв, не выдержал и скупно улыбнулся. Он обвел взглядом всё поле, и на мгновение его взор остановился на Сяо Жуне.

Юноша опустил голову и начал пробираться сквозь ликующую толпу, уходя прочь.

Сердце Цюй Юньме странно сжалось. Он еще не знал, что это снова заговорило его чутье.

***

Этой ночью многие не могли сомкнуть глаз. Ощущение небывалого подъема пьянило; казалось, в жилах бурлит первозданная сила.

Даже Сяо Жун поддался этому настроению. Пусть вдали от войска благотворное влияние чужого энтузиазма поутихло, превратив его снова в «хрупкую сестрицу Сяо», на душе у него было удивительно светло.

Лежа в постели, он то и дело вспоминал ту сцену у подножия гор: Цюй Юньме, возвышающийся над миром с тем самым взглядом, полным непоколебимой власти.

«В нем и впрямь... есть лик государя».

Сяо Жун закрыл глаза, на его губах играла невольная улыбка. А Шу, закончив дела в соседней комнате, заглянул к нему, чтобы спросить, не пора ли гасить свечу.

Но, взглянув на господина, он в ужасе застыл на пороге:

— Господин Сяо! Почему у вас носом кровь пошла?!

<http://bllate.org/book/15355/1419714>